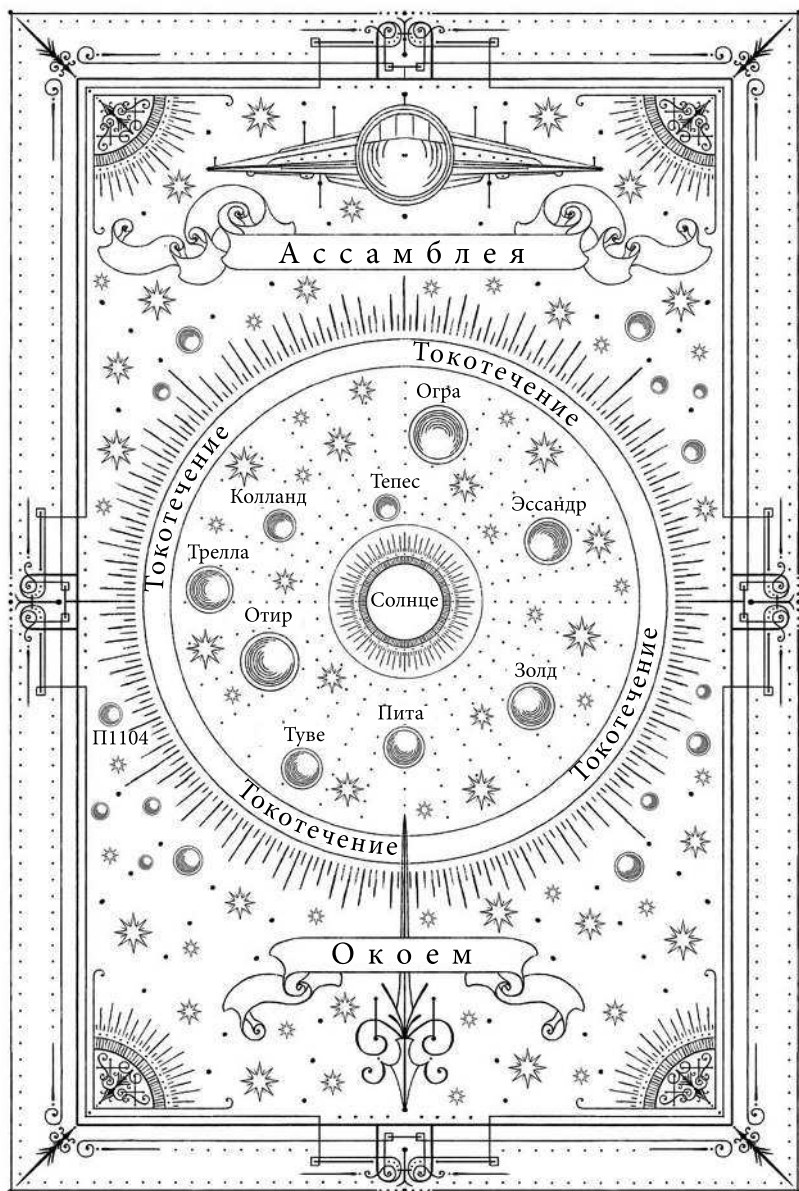

ЗНАК

СУДЬБА

ВЕРОНИКА
РОТ

ЗНАК

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P79

Veronica Roth
CARVE THE MARK

Copyright © 2017 by Veronica Roth
Map © 2017 by Veronica Roth. All rights reserved.

Оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете и форзацах *Ольги Закис*

Иллюстрация на закладке *Виктории Березницкой*

Рот, Вероника.

P79 Знак / Вероника Рот ; [пер. с англ. С. Резник]. — Москва : Эксмо, 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-04-095794-1

В мире, где властвует Ток, у каждого есть дар. Одни способны овладеть Токодаром. Другие становятся его прислужниками. Мой дар — причинять боль. Я, Кайра, сестра жестокого тирана, иду против своего народа, чтобы помочь врагу. Моему другу. Кто из нас прав? Будем ли мы заодно? Как сила определит наше будущее?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-095794-1

© Резник С., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Посвящается Ингрид и Карлу,
которых люблю во всех их проявлениях*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АКОС

Тихоцвет всегда распускался в самую длинную ночь.

Когда тугой «кулачок» лепестков раскрывался, вспыхивая ярко-алым, весь город праздновал это событие. Тихоцвет был истинной кровью народа, а кроме того, по мысли Акоса, позволял не сойти с ума от холода.

В канун ритуала Цветения Акос, запарившись в своей кухлянке, решил подождать родичей во внутреннем дворе. Дом Кerezетов был выстроен вокруг очага, и его внутренние и внешние стены плавно изгибались. Предполагалось, что круг приносит удачу.

Стоило открыть дверь, как от мороза защипало глаза. Акос опустил защитные очки, стекла тут же запотели. Рукой в варежке потянулся за кочергой, пошуровал ею под колпаком очага. Горюч-камни, выглядевшие черными комьями, от трения заискрились, рассыпая разноцветные искры — оттенок их зависел от того, чем именно были присыпаны осколки камней.

Теперь они вспыхнули ясным, кровавым огнем. Камни горели здесь не для света или тепла, а как напоминание о Токе. Впрочем, Акосу хватало и постоянного гула в собственном теле. Ток протекал сквозь каждое живое существо, а в небе проявлялся разноцветными сполохами. Точь-в-точь как россыпь горюч-камней. Или фонари «поплавок», сновавших над дорогой в город. Или лета-

ющие тарелки, которые проносились над этой покрытой снегом планетой: пришельцы не решались высадиться на ее промерзлую поверхность.

Во двор выглянул Айджа — старший брат Акоса.

— Ты же заледенеешь! Возвращайся, мама почти готова!

Обычно мама долго возилась, собираясь в храм. Как-никак, а она — прорицательница. Глаза всех присутствующих будут обращены на нее.

Акос бросил кочергу и шмыгнул в дом, на ходу скивая защитные очки и маску.

Отец и Сизи, старшая сестра Акоса, уже топтались у входной двери, нахлобучив на головы капюшоны: оба в самых теплых кухлянках из меха кутьяха. Шерсть этого зверя не поддавалась окраске, оставаясь серебристо-седой.

— Все в сборе? Отлично, — сказала мама, застегивая кухлянку.

Она неодобрительно покосилась на старые унты мужа.

— Прах твоего отца содрогается, видя, как грязна твоя обувь, Оуса.

— Надеюсь. Потому-то я и постарался запачкать ее как следует, — улыбнулся отец.

— Прекрасно, — ответила мать нарочито милым голоском. — А знаешь, мне нравится.

— Тебе нравится все, что не нравилось моему батюшке.

— Просто потому, что твоему батюшке никогда ничего не нравилось.

— Может, пойдем наконец в поплавок, а? Пока он совсем не остыл? — жалобно напомнил Айджа. — Ори, наверное, скучает у алтаря.

Мама одернула рукава кухлянки и натянула на лицо маску, после чего все Кerezеты — в мехах, защитных очках и плотных рукавицах — заторопились на стоянку.

Приплюснутый, круглый корабль парил над снегом на высоте колен взрослого человека. Мать коснулась двери, та открылась, и они гурьбой полезли внутрь. Айджа

и Сизи протянули руки Акосу, еще слишком маленькому, чтобы забираться в поплавок самостоятельно. Пристегиваться никто не стал.

— К храму! — крикнул отец, воздев кулак.

Он всегда так делал, когда они отправлялись в храм. Подбадривал своих детей, как будто им предстояло выслушать нудный урок или толкаться в очереди вместе с родителями в день голосования.

— Разлить бы твой энтузиазм по бутылкам да раздать тувенцам! Большинство прихожан я вижу раз в сезон, и то лишь потому, что их ждет еда и выпивка, — пошутила мать.

— Ты сама так решила, — напомнил Айджа. — Тогда приманивай их жратвой весь сезон.

— Устами младенца, — пробормотала мать, нажимая кнопку зажигания.

Поплавок взмыл вверх и так рванул вперед, что они повалились друг на друга. Айджа со смехом отпихнул Акосу.

Вдалеке помаргивали огни Гессы. Город располагался вокруг холма, вершину которого венчал храм, а у подножия находилась военная база. Остальным строениям тоже места хватало. Храм был массивным каменным зданием, с куполом из сотен разноцветных стеклянных панелей. В лучах заходящего солнца рукотворный пик Гессы должен был светиться оранжево-красным. Но вечернее небо часто заволакивали тучи, из чего следовало, что не светился он почти никогда.

Поплавок полетел над улицами Гессы. Город был древним, как и сама планета Туве.

Гесса... Так называли ее все, кроме врагов: казалось, что это слово застряло у подлых пришельцев как кость в горле. Опустевшие дома утопали в глубоких сугробах. Сегодня жители Гессы собрались в храме.

— Видела что-нибудь интересное? — спросил у матери отец, направляя поплавок в обход высокого анеометра, протыкающего небо.

Пропеллер анемометра бешено вращался.

По отцовскому тону Акос догадался, что речь идет о видениях. На каждой планете было по три провидца: один назывался «восходящим», второй — «восседающим» — такой являлась мама Акоса, — а третий — «нисходящим». Акос не знал точно, что означает «восседающий», но понимал, что Ток нашептывает матери сведения о будущем.

Многие восторгались ее даром.

— На днях я заметила твою сестру... — начала мама, но осеклась. — Сомневаюсь, что ей захочется это услышать.

— Она считает, что к будущему, учитывая его важность, нужно подходить с должным уважением.

Глаза матери сверкнули, и она по очереди оглядела детей.

— Вот что получается, когда выходишь за военного, — произнесла она. — Они хотят, чтобы мир был упорядочен, в том числе и мой токодар.

— Но я, вопреки семейной традиции, сделался фермером, а не солдатом. А моя сестра наверняка нервничает, поэтому не думай, что она захочет тебе нагрубить.

— Ну-ну, — хмыкнула мама.

Сизи принялась вполголоса что-то напевать. Мелодия была знакома Акосу, но откуда — он не помнил. Сестра смотрела в окно, игнорируя перепалку родителей. Однако до ссоры дело не дошло, и тишину нарушало только мурлыканье Сизи. Как говаривал отец, к реальности у нее имелся свой подходец. Этакая легкость.

Храм был освещен и снаружи, и изнутри: арочный вход украшали гирлянды фонариков, каждый размером с кулак Акоса. Повсюду парили поплавки, пухлые «брюшки» которых озарялись разноцветными зигзагами. Часть поплавков прихожане припарковали на склоне холма, другие еще кружили вокруг купола: их владельцы пытались найти стоянку. Мать, знающая самые потайные закоулки храмовой территории, ука-

зала отцу на небольшой участок возле трапезной. Там они и высадились, а мать быстро провела их к тяжелой боковой двери, которую ей пришлось открывать обеими руками.

В каменном коридоре царил полумрак. Ковры были такими потертыми, что сквозь них просвечивал пол.

Они миновали низкий алтарь, на котором теплились свечи. Их зажигали в честь тувенцев, павших во время шотетского нашествия еще до рождения Акоса.

Он засмотрелся на мерцающие огоньки. Айджа обхватил его сзади за плечи, и Акос испуганно ойкнул. И смутился, сообразив, что это просто-напросто брат. Айджа расхохотался, тыча пальцем ему в щеку:

— Я даже в темноте вижу, как ты покраснел!

— Заткнись! — обиделся Акос.

— Айджа, не дразни брата, — пристыдила мать своего старшего сына.

Ей постоянно приходилось заступаться за Акоса, который заливался краской по любому поводу.

— Я же пошутил, мам...

Они добрались до центра храма. Здесь, вокруг Зала Предсказаний, собралась толпа прихожан. Люди стягивали кухлянки и унты, оставаясь в легких ботинках, поправляли примятые капюшонами волосы, дышали на замерзшие пальцы. Крезеты тоже сняли унты, кухлянки, маски и рукавицы, свалив свое добро в каменной нише, прямо под окном. Акос уставился на вытравленный на фиолетовом стекле тувенский символ Тока.

Когда Крезеты собирались войти в Зал, Акос услышал звонкий голос:

— Айджа!

В коридор влетела Ори Реднэлис, лучшая подруга Айджи. Она была долговязой и нескладной, сплошные локти, колени и взъерошенная шевелюра. Прежде Акос никогда не видел Ори в платье: наряд, сшитый из фиолетово-красной ткани, застегивался на плече, как военная форма.

Костяшки пальцев у Ори покраснели от холода. Одним прыжком подскочив к Айдже, Ори затараторила:

— Вот ты где! А я чуть не лопнула, слушая разглагольствования тетушки об Ассамблее.

Акосу однажды посчастливилось внимать напыщенным рассуждениям этой женщины. Тетка Ори любила поговорить о галактическом правительстве. По ее словам, Ассамблея ценила Туве исключительно за посевы ледотравья и не придавала значения шотетскому вторжению, именуя его «гражданскими разногласиями». Какой-то смысл в ее речах имелся, но Акос всегда чувствовал себя неловко, слушая разговоры взрослых.

Если бы они его о чем-то спросили, он бы, наверное, онемел.

— Привет, Оуса, Сифа, Сизи, Акос! — выпалила Ори. — Счастливого вам Дня Цветения! Поздравляю! — быстро добавила она. — Пойдем, Айджа!

Айджа вопросительно взглянул на отца, и тот махнул рукой:

— Ладно! Позже увидимся.

— Но если застукаем тебя с трубкой во рту, как в прошлом сезоне, заставим съесть ее содержимое, — добавила мать.

Айджа выгнул бровь. Брат никогда не смущался и не краснел. Даже когда другие школьники дразнили его за слишком высокий для мальчишки голос или за богатство родителей, — обстоятельство, отнюдь не добавлявшее тебе популярности в Гессе.

И Айджа никогда не огрызался на насмешки. Он умел отгораживаться от подобных вещей, замечая их только тогда, когда ему действительно хотелось.

Айджа схватил Акоса за локоть и потащил за собой. Сизи, как всегда, осталась с родителями, а братья, вслед за Ори, потопали в Зал Предсказаний.

Ори ахнула, и Акос, увидев внутреннее убранство, эхом повторил ее вздох. Тувенцы, прислуживающие в храме, развесили тут сотни фонариков и присыпали

горюч-камни тихоцветом, отчего те прямо-таки пылали. Красные огни — куда ни глянь, от вершины купола до самого пола! Зрелище завораживало. Акос как будто оказался под сияющим пологом.

Айджа улыбнулся Акосу, и на его зубах заиграли алые отсветы.

В центре просторного зала находилась громадная льдина. В прозрачной глыбе виднелось несколько дюжин побегов тихоцвета с готовыми вот-вот раскрыться бутонами.

Льдину окружали небольшие, размером с палец Акоса, фонарики с горюч-камнями, от которых исходило ровное сияние. Теперь каждый тувенец мог вдоволь полюбоваться неискаженным оттенком тихоцветов — куда более насыщенным, чем любой светильник. Глубоким, как кровь, так утверждали некоторые.

Вокруг столпились прихожане, облаченные в церемониальные мантии свободного покроя. Эти одеяния скрывали все, кроме головы и рук, и скреплялись искусно сделанными стеклянными пуговицами. Кроме того, мужчины щеголяли в длинных, до колен, жилетах, отороченных мягкой кожей ильта, и в шарфах, дважды обернутых вокруг шеи. Наряды прихожан, в отличие от повседневных кухлянок, не были ни серыми, ни белыми.

Зеленый жилет Акоса достался ему в наследство от Айджи и оказался широковат в плечах. Сам Айджа был в коричневом.

Ори ринулась к столу с угощением, где уже торчала ее тетушка с кислой физиономией. Племянницу она не заметила. У Акоса вообще сложилось впечатление, что Ори не жалует тетку с дядей, поэтому частенько гостит в доме Керезетов. Что случилось с родителями Ори, он не знал.

Айджа сунул в рот целую булочку и поперхнулся крошками.

— Осторожно! — воскликнул Акос. — Мало славы погибнуть, подавившись горбушкой!